

ский отдел. Летом того же года комитет был преобразован в областную отдел и начал обслуживать Северную область, включая Карельскую Трудовую Коммуну. Претерпев в начале 1920-х гг. еще два преобразования (его последнее название — Петроградский губернский отдел по делам национальностей, сокращенно — Петрогуботнац), отдел окончательно прекратил свое существование в конце 1923 г.⁹³

2. Ингерманландское движение в конце 1918 — первой половине 1919 гг.: поиск внешней ориентации.

В общем и целом большая часть ингерманландских жителей, независимо от своих политических симпатий, в годы гражданской войны оставалась относительно пассивной — лишь считанные тысячи приняли активное участие в событиях гражданской войны на той или другой стороне. Тем не менее, нельзя отрицать существование ингерманландского национального движения — наличие своих вооруженных формирований, руководящих органов, программы, хотя и довольно аморфной, говорит в пользу того, что такое движение действительно было (хотя, с другой стороны, не следует и преувеличивать его масштабы). Ядром этого движения стали две группы ингерманландских беженцев, перебравшихся в Финляндию и Эстонию соответственно из Северной и Западной Ингрии осенью 1918 г., после подавления крестьянских восстаний. Некоторые жители Северной Ингрии уходили через границу, чтобы избежать мобилизации в красную армию. К концу 1918 г. в Финляндии насчитывалось от 200 до 300 ингерманландских беженцев.⁹⁴ 24 ноября 1918 г. в Выборге состоялось собрание ингерманландцев, на котором было решено обратиться за поддержкой к финляндским правительственным кругам; на собрании впервые прозвучала мысль о присоединении Ингерманландии к Финляндии. В обращении к правительству, которое передали делегированные собранием П. Тапанайнен и М. Тирранен, рассматрива-

---

⁹³ Постановление президиума Петроградского губисполкома о ликвидации Петрогуботнаца было принято 3 ноября 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 91. Л. 3).

⁹⁴ Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. S. 38.

лись как варианты решения ингерманландской проблемы также присоединение к Финляндии только Северной Ингрии и автономный статус финноязычных районов Ингрии в составе России.⁹⁵ 31 января 1919 г. в Хельсинки был образован «Временный комитет управления Ингерманландии» (Inkerin väliaikainen hoitokunta) из девяти человек под председательством профессора П. Тойкка (позднее в состав комитета вошел и приехавший из России К. Тюнни).⁹⁶ 1 февраля комитет обратился за поддержкой к финляндским правительственным кругам.⁹⁷ Расчет делался в первую очередь на поддержку со стороны Главного комитета помощи Эстонии, председатель которого О.В. Лоухивуори был известен как поборник совместного финско-эстонского наступления на Петроград; этот комитет должен был затем послужить посредником между Ингерманландским комитетом и правительством Финляндии.⁹⁸ Ингерманландские лидеры надеялись, получив от Финляндии помощь деньгами, оружием, добровольцами, организовать вооруженные отряды, которые смогли бы освободить Ингерманландию от красных. Согласно планам комитета, около двух тысяч финских добровольцев совместно с ингерманландцами должны были начать наступление на Карельском перешейке в южном направлении, одновременно совместные эстонско-ингерманландские силы наступали бы из Эстонии, а финские войска повели бы наступление в Южной Карелии через Олонец.⁹⁹ Попытки обратиться за помощью к Финляндии делались и в самой Ингрии. Так, крестьянское собрание в Западной Ингрии 4 марта 1919 г.

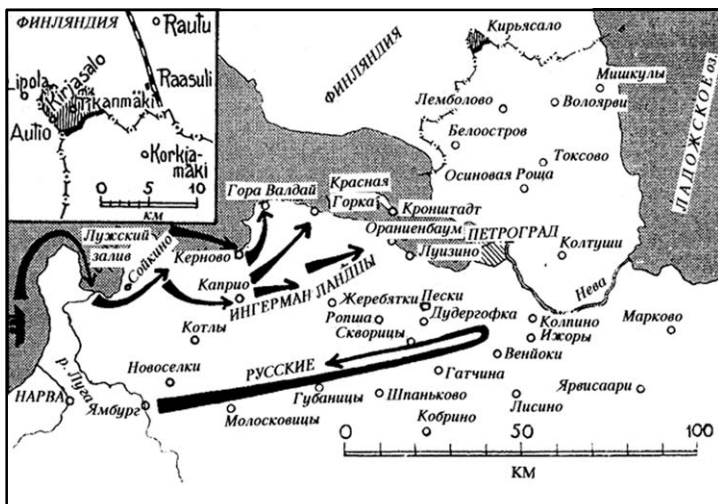
⁹⁵ Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki, 1978. S. 76.

⁹⁶ Членами комитета были также лейтенант П. Тапанайнен, участник гражданской войны в Финляндии на стороне белых, преподаватели Й. Койвистойнен и П. Кирьянен, инженер Й. Саволайнен, агроном Т. Тойкка, художник И. Латту, сельский староста М. Тирранен и банкир Н. Сааринен (Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika // Inkerin suomalaisten historia. S. 330).

⁹⁷ Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920. Helsinki, 1965. S. 170.

⁹⁸ Zetterberg S. Suomi ja Viro 1917–1919. Poliittiset suhteet syksystä 1917 reunavaltio politiikan alkuun. Helsinki, 1977. S. 229, 234.

⁹⁹ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 328.

Действия ингерманландских и русских белых соединений под Петроградом летом 1919 г.

решило составить обращение к «законному правительству Финляндии» с просьбой оказать помощь «малочисленному ингерманландскому народу», существование которого было поставлено под угрозу событиями последних лет.¹⁰⁰

В Финляндии сепаратистские движения среди российских финно-угров имели определенный резонанс. Во второй половине XIX в., одновременно с ростом национальной культуры и развитием движения «фенноманов», в этой стране стал усиливаться интерес к родственным народам, проживающим на пространных Севера и Северо-Запада Российской империи, появились осознание финно-угорского единства. Финские этнографы совершали экспедиции в Карелию, Ингерманландию, Приуралье, Поволжье, в населенные карелами уезды Новгородской и Тверской губерний, изучали быт, культуру, языки финно-угорских народов, проживавших в этих областях.¹⁰¹ С течением времени в эту чисто научную сферу был привнесён политический контекст. Попутно с усилением движения за национальную

¹⁰⁰ Flink T. Pois Inkeristä, ohi Inkerin. Helsinki, 1995. S. 29.

¹⁰¹ Результаты многочисленных исследований были позднее обобщены в трехтомном труде: Suomen suku. Helsinki, 1923.

независимость в определенных кругах финской общественности стала циркулировать идея объединения родственных народов в рамках единого государства и создания «Великой Финляндии». Эта идея имела довольно аморфный характер и никогда не принимала завершенной формы, масштабы грядущего объединения мыслились различно. К.Э. Аспелунд, один из главных идеологов «Великой Финляндии», писал о создании огромной державы, которая должна была простирается за Урал, охватывая не только территорию расселения народов собственно финской группы, но и даже земли обских угров и самодийских народов Западной Сибири.¹⁰² Другие, мыслившие более реалистично, были согласны удовлетвориться аннексией Восточной Карелии.

Обретение Финляндией независимости в декабре 1917 г. дало новый стимул развитию идей финно-угорского политического единства. Зимой — весной 1918 г., во время и после завершения гражданской войны в Финляндии, в ходе которой советское правительство достаточно явно поддерживало революционные силы, эти идеи стали сочетаться с антирусскими настроениями (не столько антисоветскими, сколько именно антирусскими), доходившими до шовинистической истерии. Соответственно аннексионистские планы в отношении территорий на востоке стали рассматриваться также с точки зрения избавления от русской угрозы. Глава финляндского правительства П.Э. Свинхувуд считал необходимым оттеснить Россию от Балтийского моря в целях обеспечения безопасности всех прибалтийских и скандинавских народов.¹⁰³ Взоры в первую очередь обращались в сторону Восточной Карелии. В ходе гражданской войны весной 1918 г., как уже упоминалось, отряды финской белой гвардии перешли границу, вторглись на территорию Беломорской Карелии, захватили Ухту и угрожали Кеми. Во время советско-финляндских переговоров в Берлине в августе-сентябре 1918 г. финляндская сторона требовала безвозмездной уступки всей Восточной Карелии и Кольского полуострова. Об Ингерманландии вопрос на переговорах напрямую не ставился, хотя на заседании политико-правовой комиссии 7 августа член финской делегации сенатор Х.В. Раутапяя заявил: «Граница Финляндии на востоке неестественная, слишком длинна. Помимо того, на востоке живет 140 тысяч финнов, отделенных от своего государства, и здесь должен иметь применение принцип само-

---

¹⁰² Шлыгина Н.В. История финской этнологии. М., 1995. С. 69.

¹⁰³ Zetterberg S. Suomi ja Viro. S. 99.

определения народов»¹⁰⁴ (взаимопонимания у своих российских собеседников Раутапяя, естественно, не встретил). Свинхувуд считал, что в случае оставления Ингерманландии в руках русских будет сохраняться источник постоянной угрозы для Финляндии и стран Прибалтики и критиковал намерения германского руководства сохранить за Россией выход к Балтике. В конце апреля 1918 г. финляндский премьер выдвинул план создания государственного объединения, в которое на федеративных началах вошли бы Финляндия с Восточной Карелией и Эстония с частью земель, населенных ливами. Это объединение мыслилось в форме личной унии, подобной той, которая до 1905 г. существовала между Швецией и Норвегией. Ингерманландию предполагалось присоединить к этому новообразованию, причем земли к северу от Невы должны были отойти к Финляндии, а к югу — к Эстонии. Свинхувуд, впрочем, находил более предпочтительным, чтобы Финляндия получила всю Ингерманландию, так как «в языковом отношении она ближе к Финляндии, чем к Эстонии».¹⁰⁵ Практическое осуществление этого плана было проблематичным: препятствия могли возникнуть не только из-за возможного сопротивления со стороны Советской России, но и из-за не вполне благожелательного отношения Германии, под сильным политическим влиянием которой Финляндия в то время оказалась: большинство в германском военном и политическом руководстве негативно относилось к замыслам новых аннексий российских территорий, выходящих за рамки Брестского мира.¹⁰⁶ Эстония же находилась в то время под непосредственной немецкой оккупацией, и ее политическое будущее было неопределенно.

В конце 1918 г., после поражения Германии в Первой мировой войне, германофил Свинхувуд вынужден был уйти в отставку. Новым регентом — временным главой государства¹⁰⁷ —

---

¹⁰⁴ Цит. по: Сюкияйнен И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1948. С. 47.

¹⁰⁵ Zetterberg S. Suomi ja Viro. S. 98–99.

¹⁰⁶ Когда на советско-финляндских переговорах в Берлине в августе 1918 г. финляндская сторона потребовала проведения плебисцита среди населения Восточной Карелии и советская делегация отклонила это требование, представитель германского Министерства иностранных дел, к большому разочарованию финнов, никак не поддержал их (Enckell C. Politiska minnen. Helsingfors, 1956. Bd. 1. S. 363).

¹⁰⁷ Буквально название этой должности переводится как «руководитель государства» (фин. *valtioonhoitaja*, шв. *riksföreståndare*).

стал генерал К.Г.Э. Маннергейм, который до конца 1917 г. почти 30 лет провел на русской службе,¹⁰⁸ а новый кабинет министров возглавил Л. Ингман, лидер старофинской партии. Нельзя сказать, что новому руководству страны были чужды интервенционистские замыслы. Однако в отношении Ингерманландии оно было настроено более реалистично, понимая, что ее географическое положение — вокруг бывшей российской столицы — создает непреодолимые трудности на пути решения проблемы и что попытка отторжения части территории Петроградской губернии, а тем более покушение на сам Петроград, не только вызовет энергичное сопротивление со стороны Советской России, но и крайне негативно будет воспринято русскими контрреволюционерами, выступавшими за сохранение территориальной целостности страны.

Маннергейм, склонявшийся к сотрудничеству с русскими контрреволюционерами, не мог не учитывать их позицию в пограничном вопросе. Между тем даже существующая граница между Россией и Финляндией, на одном из участков проходившая лишь в 30 километрах от Петрограда, не устраивала российских политических деятелей. Еще в 1911 г. в российском руководстве был поднят вопрос о присоединении непосредственно к России части территории Выборгской губернии — приходов Терийоки, Кивеннапа (Кивинебб) и Уусикиркко (Новая Кирха), тогда же для разработки соответствующего законопроекта была создана особая межведомственная комиссия из представителей нескольких министерств, которая завершила свою работу к концу 1913 г.¹⁰⁹ Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского, рассмотрев положение в Выборгской губернии и пограничный вопрос на своем заседании 21 апреля 1914 г., пришло к заключению о том, что «важнейшие интересы государственной обороны требуют присоединения к империи не только Кивинебского и Новокирхского приходов..., но и всех вообще центральных и северо-западных районов названной губернии, включая и принадлежащие к ней морские острова».¹¹⁰

---

¹⁰⁸ К.Г. Маннергейм выехал из Петрограда в Финляндию в декабре 1917 г. В период гражданской войны был главнокомандующим вооруженными силами белого правительства. В мае 1918 г., вскоре после окончания военных действий, ушел в отставку, будучи несогласным с прогерманским курсом правительства П. Свинхувуда.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 512. Л. 1, 324.

¹¹⁰ Там же. Л. 406.

Намеченное, однако, не было осуществлено. Вопрос о переносе границы на Карельском перешейке был вновь поднят уже советским правительством: на советско-финляндских переговорах в Берлине в августе 1918 г. советская делегация безрезультатно добивалась передачи России территории перешейка до линии Выборг — Кексгольм в обмен на уступку Финляндии части земель в Восточной Карелии и на Кольском полуострове.¹¹¹ Политические оппоненты большевиков, не предъявляя каких-либо территориальных претензий к Финляндии, в то же время требовали от последней гарантий того, что ее территория не будет использована силами, враждебными России. О каких-либо территориальных уступках в пользу Финляндии любые стороны российского внутривнутриполитического конфликта не могли и думать.

Державы Антанты также отрицательно отнеслись бы к постановке вопроса об изменении статуса Петрограда и губернии. Заместитель британского министра иностранных дел лорд Ч. Хардинг при встрече с новым (с апреля 1919 г.) министром иностранных дел Финляндии Р. Холсти категорически заявил, что судьба Петрограда не может решаться помимо воли великих держав.¹¹² Поэтому просьбы о помощи в освобождении Ингерманландии не находили адекватного отклика ни у финского кабинета, ни у К.Г. Маннергейма. Последний, встретившись с делегацией ингерманландцев 10 мая 1919 г., не дал им никаких конкретных обещаний и ограничился выражением своего сочувствия: «Жаль вас, ингерманландских бедняг», сказал он делегатам.¹¹³ Министр иностранных дел (до апреля 1919 г.) К. Энкель советовал ингерманландцам отказаться от мечтаний о присоединении Ингрии к Финляндии и ограничиться требованиями культурной автономии.¹¹⁴ Когда 8 февраля 1919 г. Временный комитет управления Ингерманландии обратился к финским военным властям с просьбой разрешить ингерманландским беженцам начать формирование собственных воинских контингентов на Карельском перешейке, реакция военного министра Р. Вальдена была скептической. Решительного отказа не последовало, однако вопрос долгое время оставался нерешенным.

---

¹¹¹ Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 185.

¹¹² Zetterberg S. Suomi ja Viro. S. 234–235.

¹¹³ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 329.

¹¹⁴ Toikka-Karvonen A. Inkerin tie itsenäisyystaisteluun // Inkerin teillä. S. 177.

шенным.¹¹⁵ Возможность наступления на Петроград и ингерманландский вопрос рассматривались на заседании финляндского кабинета 1 марта. Относительно похода на Петроград было принято отрицательное решение, так как, как сообщил К. Энкель, Великобритания отнеслась бы к этому негативно.¹¹⁶ По ингерманландскому вопросу было принято решение разрешить ингерманландцам, бежавшим из России (таких, по сведениям Р. Вальдена, насчитывалось на тот момент около тысячи человек) перейти на финскую территорию при условии, что в дальнейшем они переберутся в Эстонию. Разрешения оседать и основывать свои организации в Финляндии было решено не давать.¹¹⁷

Финское руководство предпочло сконцентрировать внимание на карельском вопросе, считая его более важным. На заседании кабинета 2 апреля 1919 г. было решено отказаться от более широких интервенционистских планов и ограничиться «малой программой», предполагавшей организацию «освободительного» похода в Олонецкую Карелию силами добровольцев.¹¹⁸ Смена кабинета в середине апреля не привела к каким-либо существенным изменениям в правительственной политике. Новый премьер К. Кастрен 22 апреля в своей программной речи в общих выражениях говорил о том, что правительство с симпатией и интересом относится к национальным устремлениям родственных народов, проживающих к востоку и югу от финляндской границы.¹¹⁹ Таким образом, официальный Хельсинки не считал возможным оказать прямую поддержку ингерманландскому движению, но в то же время, считаясь с общественным мнением, он не мог и полностью игнорировать проблему. Финский историк Т. Вихавайнен замечает по этому поводу, что ингерманландский вопрос был источником головной боли не только

---

¹¹⁵ Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla. S. 242.

¹¹⁶ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 332.

¹¹⁷ Enckell C. Op. cit. Bd. 2. S. 156.

¹¹⁸ Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975. С. 69. Поход «Олонецкой добровольческой армии» начался в конце апреля, в ходе наступления был занят Олонец, однако захватить Петрозаводск и Лодейное Поле не удалось, а к началу июля в результате контрнаступления советских войск «добровольцы» были отброшены за линию границы.

¹¹⁹ Jääskeläinen M. Op. cit. S. 187.

для советского, но и для финляндского правительства.¹²⁰ Об этом же писал и другой автор, П. Мелкко: «С одной стороны, признавался моральный долг помогать ингерманландцам, так же как была оказана помощь эстонцам и планировалось помочь финноязычному населению Восточной Карелии и Олонца, но, с другой стороны, положение Петрограда в центре Ингрии и незначительное количество ингерманландских сил вызывали сомнения в достижимости их целей. Правительство было не в состоянии резко отказать в помощи, что при тогдашнем национальном воодушевлении вызвало бы осуждение общественного мнения, но с холодной вежливостью давало понять, что помогать ингерманландцам в такой ситуации — не в интересах Финляндии».¹²¹

2 мая ингерманландский вопрос снова рассматривался на заседании финляндского правительства, но никаких конкретных решений принято не было. Р. Вальден высказался за оказание поддержки ингерманландскому движению, которую, однако, следовало оказывать не прямо, а опять же через Эстонию¹²² (которая к тому времени уже помогала ингерманландцам). Вслед за К. Энкелем большинство финляндских официальных лиц считало наилучшим решением ингерманландского вопроса организацию культурной автономии для финноязычного населения Петроградской и прилегающих губерний. Л. Эрнрут, исполнявший обязанности министра иностранных дел в отсутствие находившегося в Париже Р. Холсти, выступая 12 июня 1919 г. в правительстве с докладом об отношениях с Россией, говорил о необходимости добиться предоставления права самоуправления ингерманландским общинам.¹²³ Этого же мнения придерживался и Маннергейм, который рассчитывал добиться определенных политических уступок от русского белого движения в обмен на помощь в борьбе с большевистским режимом.

Маннергейм не был против участия финских войск в походе на Петроград, однако, считал это участие возможным лишь при определенных условиях, к которым он относил в первую очередь координацию действий с русскими антисоветскими силами, а также одобрение и поддержку операции со стороны Антанты.

---

¹²⁰ Vihavainen T. Suomi neuvostolehdistössä. 1918–1920. Helsinki, 1984. S. 153.

¹²¹ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 329.

¹²² Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. S. 64.

¹²³ Jägerskiöld S. Riksföreståndaren. Gustaf Mannerheim. 1919. Helsingfors, 1969. S. 177.

В марте 1919 г. регент писал генералу П.М. Ветцеру, командиру финских добровольцев в Эстонии: «Не следует предпринимать широкомасштабную операцию за пределами восточной границы Эстонии. Инициатива в этом деле должна принадлежать нам, и мы не упустим подходящее время, как только для этого будут созданы необходимые предпосылки».¹²⁴ В отношении Ингерманландии у Маннергейма были свои соображения: в беседе с главой союзной военной миссии на Балтике британским генералом Х. Гофом 31 мая регент развивал мысли о том, чтобы создать из Северной Ингрии нейтральную зону между Финляндией и Россией.¹²⁵

В мае — июне 1919 г. между Маннергеймом и генералом Н.Н. Юденичем, «главнокомандующим всеми русскими силами Северо-Западного фронта», шли переговоры о совместной военной операции против Петрограда. От идеи создания буферной зоны Маннергейм быстро отказался, понимая, видимо, ее неприемлемость для российской стороны. Переговоры завершились 19 июня подписанием военно-политического соглашения. Финская армия должна была принять участие в походе на Петроград. В качестве компенсации за оказанную помощь российская сторона обязывалась безоговорочно признать независимость Финляндии, уступить ей порт Петсамо и некоторые карельские территории. В политическую часть соглашения был внесен и пункт об ингерманландской автономии: вторая часть 3-й статьи гласила, что «русские подданные финской национальности», проживающие в окрестностях Петрограда, имеют право свободно пользоваться родным языком, исповедовать свою религию, осуществлять местное самоуправление, основывать национальные школы.¹²⁶ Соглашение, однако, не имело никаких практических последствий. «Верховный правитель» адмирал А.В. Колчак и другие лидеры белого движения, не возражая в принципе против военного сотрудничества с Финляндией, были категорически против каких-либо политических уступок в пользу последней. Колчак назвал политическую часть соглашения Юденича—Маннергейма фантастической.¹²⁷ В подобном же духе

---

¹²⁴ Цит. по: Heinrichs E. Mannerheim — gestalten. I. Den vite generalen. 1918–1919. Helsingfors, 1958. S. 297.

¹²⁵ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 335.

¹²⁶ Heinrichs E. Op. cit. S. 330.

¹²⁷ Documents on British Foreign Policy. (DBFP). 1st Series. Vol. 3. London, 1949. P. 435.

высказался и генерал А.И. Деникин, заявивший, что договор, «нарушающий высшие интересы Русского государства, является недопустимым и не имеющим... юридической силы».¹²⁸ Впрочем, и в самой Финляндии, в том числе и в правительственных кругах, было немало противников сотрудничества с русскими белогвардейцами; посол Временного правительства в Стокгольме К. Гулькевич доносил в конце июня в Омск: «В Финляндии внутреннее положение обострилось. Социалисты, составляющие две трети сейма, против вмешательства в русские дела. Двинуть финнов в поход... Маннергейм едва ли сможет без риска одновременно вызвать кризис власти».¹²⁹ С другой стороны, часть русского белого офицерства выступала против соглашения с финнами, опасаясь распространенных в Финляндии антирусских настроений. По мнению адмирала В.К. Пилкина, «главного морского начальника» при штабе Юденича, финская интервенция могла вызвать раскол среди русских офицеров и переход некоторых из них на сторону большевиков.¹³⁰ Наконец, западные державы отнеслись к планам петроградской операции без особого энтузиазма.

В создавшихся условиях ингерманландские лидеры попытались получить поддержку извне. Временный комитет в феврале 1919 г. обращался с просьбой о финансовой помощи в германское консульство в Выборге, позднее — к представителям союзных держав, включая Японию, получал обещания, но ни к какому результату это не приводило.¹³¹ В конце концов, более действенную поддержку удалось найти в Эстонии. Политическая обстановка в Эстонии в конце 1918 — начале 1919 гг. складывалась следующим образом: после вывода немецких войск в ноябре 1918 г. была провозглашена независимость страны, к власти пришло временное правительство во главе с К. Пятсом. Однако это правительство с трудом сумело у власти удержаться: вслед за отходящими немцами в Эстонию вторглись советские войска, и отразить их наступление на Таллинн слабым эстонским правительственным частям удалось лишь при помощи отрядов финских добровольцев, начавших прибывать в Эстонию с конца 1918 г.,¹³²

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 324. Л. 32.

¹²⁹ Колчак и Финляндия // Красный архив. 1929. № 2 (33). С. 129.

¹³⁰ Там же. С. 110—111.

¹³¹ Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. S. 47.

¹³² В военных действиях на территории Эстонии приняли участие в общей сложности около 3700 финских добровольцев (Zetterberg S. Historian jännevälit // Viro: Historia, kansa, kulttuuri. S. 96).

русского белогвардейского Северного корпуса¹³³ и английского флота. К началу февраля советские войска были вытеснены за линию границы. Эстонские правящие круги не имели каких-либо территориальных притязаний к России, однако, у них не было уверенности, что большевики не захотят предпринять новую попытку установить в Эстонии советскую власть. Поэтому эстонские официальные лица в большей степени, чем их финские коллеги, были склонны оказать поддержку ингерманландскому движению: они рассчитывали использовать его в своих интересах и создать в Западной Ингрии своего рода буфер, отделяющий их от непосредственного соприкосновения с Советской Россией. В конце февраля эстонский главнокомандующий генерал Й. Лайдонер на переговорах с руководителями финского Комитета помощи Эстонии предлагал организовать поход на Петроград, занятие которого будто было необходимо в интересах Эстонии и Финляндии и являлось единственным способом оказать помощь ингерманландцам¹³⁴ (о реакции К.Г. Маннергейма на это предложение уже говорилось выше).

20 февраля Временный комитет управления Ингерманландии связался с Х. Кальмом, офицером финской службы родом из Эстонии, который командовал в Эстонии полком «Северных парней» (Pohjan Pojat), входившим в состав финских добровольческих формирований. Кальм охотно откликнулся на просьбу походатайствовать о помощи перед эстонским руководством. Встретившись с эстонскими политическими и военными лидерами, он предложил дерзкий план продолжения наступления против красных уже за линию эстонско-российской границы. Кальм предполагал усилить свой полк, присоединить к нему ингерманландские формирования, привлечь из Финляндии новых добровольцев и с силами в 25–30 тысяч человек вторгнуться в Петроградскую губернию и захватить Петроград.¹³⁵ Командир финских добровольческих отрядов генерал Ветцер неодоб-

---

¹³³ Северный корпус начал формироваться в октябре 1918 г. в районе Пскова в зоне немецкой оккупации. После отхода немцев во второй половине ноября корпус был вынужден оставить Псков и отступить на территорию Эстонии. В декабре командование корпуса заключило договор с эстонскими властями о своем временном подчинении эстонскому командованию.

¹³⁴ Jääskeläinen M. Op. cit. S. 176.

¹³⁵ Kalm H. Pohjan Poikain retki. Espoo, 1921. S. 186–187; Zetterberg S. Suomi ja Viro. S. 229.

рительно отнесся к предложениям Кальма использовать финских добровольцев для нового наступления (он даже пытался арестовать Кальма, но тот вовремя уехал в Финляндию), да и сами добровольцы, в том числе бойцы полка «Северных парней», не проявляли особого желания сражаться снова и хотели вернуться на родину. Главный комитет помощи Эстонии также отрицательно отнесся к возможности участия находившихся в Эстонии финских добровольцев в походе на Петроград. В апреле большая часть финских формирований вернулась из Эстонии на родину (последние подразделения полка «Северных парней» отбыли в конце мая).¹³⁶ В Эстонии осталось, однако, немало финских офицеров, которые изъявили готовность участвовать в новых походах.¹³⁷ Самым важным результатом посреднической миссии Кальма было то, что ингерманландским лидерам удалось войти в непосредственный контакт с эстонскими правящими кругами. В Таллинне члены Временного комитета управления Ингерманландии П. Тапанайнен, Й. Саволайнен и Т. Тойкка встретились с эстонским премьером К. Пятсом и генералами Й. Лайдонером и Я. Соотсом. В результате переговоров 26 марта был заключен договор об освобождении Ингерманландии от большевиков. В соответствии с условиями договора, на эстонской территории предполагалось сформировать ингерманландский добровольческий трех-батальонный полк численностью около 1500 человек. Все расходы по формированию и содержанию полка взяло на себя эстонское правительство.¹³⁸ Кроме того, эстонское руководство обязалось также ходатайствовать через своих представителей в Париже об обсуждении ингерманландского вопроса на мирной конференции. Попытка поставить ингерманландскую проблему на повестку дня Парижской конференции, однако, успеха не имела.¹³⁹

Еще до заключения договора, 8 марта, первая группа ингерманландских беженцев в 51 человек отправилась из Хельсинки в Эстонию, где присоединилась к уже находившимся там выходцам из Западной Ингрии. В апреле, согласно условиям договора, началось формирование ингерманландского отряда, который был включен в состав 1-й дивизии эстонской армии. Командный состав состоял из финских офицеров, бывших ко-

---

¹³⁶ Zetterberg S. Historian jännevälit. S. 96.

¹³⁷ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 332.

¹³⁸ Ibid. S. 333; ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 54. Л. 80

¹³⁹ Amburger E. Ingermanland. S. 588.

мандиров полка «Северных парней» и других добровольческих частей, которые остались в Эстонии после эвакуации своих отрядов на родину. Командиром отряда был капитан старой русской армии А. Тюнни, брат К. Тюнни.¹⁴⁰ Х. Кальм, находясь в Хельсинки, попытался добиться помощи для отряда от финских властей. Премьер Л. Ингман, с которым он встречался, одобрительно высказался о формировании ингерманландских частей в Эстонии, однако от каких-либо конкретных обещаний о помощи со стороны правительства уклонился. Кальм также направил письмо К.Г. Маннергейму с просьбой разрешить отправку финских добровольцев на пополнение ингерманландского отряда, однако регент придерживался точки зрения, что раз Эстония освобождена от красных, посылать туда новых добровольцев не следует.¹⁴¹ В апреле Кальм попытался на собственный страх и риск организовать вербовку добровольцев, но Комитет помощи Эстонии предостерег финляндских подданных через прессу от участия в вербовке.¹⁴² Кальм вел также переговоры о координации действий с руководителями готовившегося похода на Олонец полковником А. Сихво и майором Г. фон Херценом, было достигнуто определенное взаимопонимание, но практических результатов достичь опять же не удалось из-за обструкционистской позиции официальных властей.¹⁴³ В мае численность ингерманландского отряда в Эстонии составила 402 человека, примерно наполовину он состоял из приехавших из Финляндии выходцев из Северной Ингрии. 12 мая отряд получил официальное наименование 1-го Ингерманландского батальона.¹⁴⁴ Отличительным знаком бойцов батальона был трехцветный желто-красно-синий шеврон (желтый, красный и синий — национальные цвета Ингерманландии, такая цветовая гамма присутствовала на ингерманландском провинциальном гербе, введенном еще при шведах).

Весной 1919 г. русский Северный корпус под командованием генерала А.П. Родзянко, базировавшийся на территории Эстонии, готовился к решительному наступлению на петроградском направлении. Эстонские войска собирались оказать поддержку этому наступлению, а ингерманландский батальон должен был

---

¹⁴⁰ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 333.

¹⁴¹ Kalm H. Op. cit. S. 192–193.

¹⁴² Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 334.

¹⁴³ Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. S. 49.

¹⁴⁴ Ibid. S. 50; Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 333.

продвигаться на левом фланге, вдоль берега Финского залива. Наступление, начавшееся 13 мая, развивалось успешно. 15 мая был занят Гдов. Фронт 6-й дивизии 7-й армии красных был быстро прорван. После того, как красным не удалось закрепиться в районе станции Веймарн, они были вынуждены отступить под угрозой окружения за р. Лугу и оставить Ямбург, который был занят белыми 17 мая. Части Северного корпуса, развивая наступление, 18 мая заняли станцию Вруда, а 20 — Волосово и Кикерино. В это же время начал действовать и ингерманландский батальон. 15 мая часть батальона, численностью около 150 человек, была высажена на берег с эстонского корабля на побережье Лужской губы, причем первоначально планировалось произвести высадку непосредственно на Сойкинском полуострове у деревни Косколово, однако отряд сторонников советской власти под командованием местных советских работников П. Трофимова и Ф. Афанасьева своим огнем воспрепятствовал высадке, и ее пришлось произвести в устье р. Луги. Заняв деревню Краколье, отряд начал продвигаться в направлении Куземкино и Получье.¹⁴⁵ На следующий день другая часть батальона высадилась несколько восточнее, а 17 мая еще один ингерманландский десант был высажен на побережье Копорского залива, в районе селений Пейпия и Долгово. Отряд, высадившийся у Долгово, был атакован Кронштадтским крепостным полком красных и отброшен к деревне Систа-Палкино.¹⁴⁶ Общую численность ингерманландских частей разведка красных оценивала в 500 человек.¹⁴⁷ Отряд Трофимова — Афанасьева перед лицом превосходящих сил отступил к Копорью. Ингерманландский батальон занял Сойкино, где к нему присоединилось около 50 местных жителей,¹⁴⁸ и 18 мая атаковал Копорье, но потерпел полную неудачу. По воспоминаниям участников этого боя, ингерманландцы, успокоенные легкостью прежних успехов, приближались к Копорью слишком беспечно по открытой местности. Красные, засевшие в Копорской крепости, подпустили их поближе и затем открыли интенсивный огонь. Наступавшие понесли большие потери и в беспо-

---

¹⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 596. Оп. 1. Д. 5. Л. 93 об.; Надежный Д. На подступах к Петрограду летом 1919 г. М. — Л., 1928. С. 43–44.

¹⁴⁶ Надежный Д.Н. Указ. соч. С. 49; Караев Г.Н. Оборона Петрограда в 1919 г. // Морской сборник. 1939. № 19–20. С. 19.

¹⁴⁷ Надежный Д.Н. Указ. соч. С. 49.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 47. Л. 17.

рядке отступили.¹⁴⁹ Среди убитых были 43 солдата, 4 офицера и командир батальона капитан А. Тюнни.¹⁵⁰

Батальон отошел на Сойкинский полуостров на переформирование, здесь его состав пополнился за счет новых добровольцев и мобилизованных в деревнях Западной Ингрии. Свежее подкрепление прибыло из Таллинна. Возобновив наступление, батальон 24 мая занял, наконец, Копорье. Численность ингерманландского отряда к этому времени выросла до 1621 человека. Его командиром вместо погибшего А. Тюнни стал финский майор А. Уймонен.¹⁵¹ В конце мая красные предприняли контрнаступление. На приморском участке фронта вновь сформированная Сводная Балтийская дивизия оттеснила ингерманландцев к р. Сумма, а соседний с ними Островский полк — к селу Котлы.¹⁵² Эти успехи оказались, однако, временными. 3 июня белые снова перехватили инициативу, нанесли удар в стык 6-й и Сводной Балтийской дивизий и вынудили их к отступлению. На правом фланге красные отошли за линию р. Коваши. Ингерманландцы продвинулись в сторону Ропши, их передовые части заняли деревню Усть-Рудицы, которая, впрочем, 11 июня была отбита красными.¹⁵³

Начало и середина июня были временем наибольших успехов белых в ходе весенне-летней кампании под Петроградом. После неудачи красного контрнаступления в начале июня почти вся территория Гдовского и Ямбургского уездов оказалась в руках антисоветских сил. 10 июня ингерманландский батальон был переформирован в полк в составе двух батальонов и артиллерийской батареи. К середине июня в составе полка числилось уже 2258 человек.¹⁵⁴ Чтобы завоевать симпатии местных жителей, деятели Временного комитета управления Ингерманландии, находившиеся при батальоне, принялись распределять среди них запасы американской муки, причем делали они это через органы местного самоуправления, минуя русские военные власти; всего к середине июля было распределено до 780

---

¹⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 596. Оп. 1. Д. 5. Л. 93об.

¹⁵⁰ T. Törmälä. Luoteinen rintama ja punaisen Pietarin puolustus // Kansalaissodan rintamilta. Suomalaisten vallankumouksellisten muistelmia taistelusta Neuvostovallan puolesta. Leningrad — Petroskoi, 1930. S. 164.

¹⁵¹ Ibidem.

¹⁵² Надежный Д.Н. Указ. соч. С. 75.

¹⁵³ Петроградская правда. 12 июня.

¹⁵⁴ T. Törmälä. Op. cit. S. 164; Gummerus H. Op.cit. S. 23.

пудов.¹⁵⁵ Уже к концу мая наметились серьезные противоречия между командирами ингерманландских формирований и руководством русских белогвардейцев. Командир Северного корпуса генерал А.П. Родзянко был недоволен тем, что ингерманландцы считали себя подчиненными в военном отношении эстонскому командованию, и хотел поставить их под свой непосредственный контроль.¹⁵⁶ Кроме того, генерал обвинял командиров ингерманландского полка в том, что они занимались сепаратистской пропагандой в районах компактного проживания финнов и ижор, агитируя за образование ингерманландской республики, назначали в Сойкинской волости собственных комендантов, не исполнявших приказаний ямбургского коменданта полковника А.В. Бибикова, производили самочинные обыски и аресты.¹⁵⁷ Белогвардейские офицеры, стоявшие на платформе «единой и неделимой России», и слышать не хотели о каких бы то ни было автономных образованиях на территории Петроградской губернии, не говоря уже об отделении каких-то ее частей от России. Родзянко, посетив после занятия Копорья штаб ингерманландского полка, заявил, что он не знает, кто такие ингерманландцы и что в России есть только русские.¹⁵⁸ Бибиков 3 июня издал распоряжение волостным комендантам, в котором указывал, что «политическая затея устройства Ингерманландии ни в коем случае не может быть допущена русской властью...».¹⁵⁹ Встреча майора Уймонена с Родзянко 9 июня в Ямбурге закончилась тем, что собеседники разругались, и обиженный Уймонен подал рапорт эстонскому командованию об оскорбительном поведении белогвардейского генерала.¹⁶⁰ От Й. Лайдонера Родзянко потребовал гарантий того, что Эстония не будет возбуждать вопрос о статусе Ингерманландии, и эстонский глав-

---

¹⁵⁵ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 165–166.

¹⁵⁶ Петроградская правда. 1919. 5 июля.

¹⁵⁷ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 43.

¹⁵⁸ Петроградская правда. 17 июля.

¹⁵⁹ Цит. по: Смолин А.В. Указ. соч. С. 166.

¹⁶⁰ Как члены Ингерманландского комитета утверждали в письме в МИД Эстонии, «“переговоры” свелись в площадной ругани со стороны генерала Родзянко без всякого на то повода... и заявлению о недопущении финнов-офицеров в Ингерманландский отряд» (КА. IA. Kansio XXI. Pohjois-Inkerin rykmentti).

нокомандующий был вынужден дать такие гарантии и издать 12 июня приказ об оперативном подчинении Ингерманландского полка командованию Северного корпуса.¹⁶¹ Однако финские офицеры — командиры полка — не хотели подчиниться русскому командованию и соглашались поддерживать связь только с командующим эстонским флотом адмиралом Й. Питкой, против сотрудничества с русскими выступала и часть членов Ингерманландского комитета. Родзянко, со своей стороны, жаловался Лайдонеру на то, что «Ингерманландский комитет распространяет свои действия против России, занимается агитацией и не подчиняется нашим властям», и просил эстонского командующего «немедленно отозвать финских офицеров ввиду их некорректного отношения к русским на эстонской территории и так как они вмешиваются в русскую политику».¹⁶²

Отношения между генералом Родзянко и командованием ингерманландского отряда окончательно испортились после событий на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. 13 июня гарнизоны этих фортов, расположенных на южном побережье Финского залива к западу от Ораниенбаума, подняли мятеж против советской власти и перешли на сторону белых. Из белых частей ближайшим к фортам оказался отряд Ингерманландского полка, который подошел к Красной Горке и занял позиции перед фортом в деревне Лебяжье. Как явствует из воспоминаний бойца Ингерманландского полка И. Олликайна, в составе этого отряда оказались 37 человек из разведывательной группы полка и около 150 сойкинских добровольцев.¹⁶³ Командование основными силами белогвардейцев, однако, слишком поздно узнало о событиях. Не оправдались также расчеты инициаторов мятежа на восстание на других фортах (кратковременное выступление произошло лишь на форту Обручев), в Кронштадте, на кораблях Балтийского флота и на помощь английской эскадры, базировавшейся на финский порт Койвисто на Карельском перешейке. 14 июня майор Уймонен посетил командующего эскадрой адмирала У. Коуэна, который вручил ему записку следующего содержания: «Я восхищаюсь Ва-

---

¹⁶¹ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 44; Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla. S. 245.

¹⁶² А.П. Родзянко — Й. Лайдонеру 15 июня 1919 г. // КА. IА. Kansio XXI.

¹⁶³ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla // Dokumentteja Inkerinmaalta. Helsinki, 1990. S. 67.

шим победоносным руководством при захвате форта Красная Горка. Донесение об этом, согласно Вашему пожеланию, отправлено адмиралу Питке. Я прошу Вас известить расположенные вблизи Красной Горки большевистские суда, что в случае если они капитулируют, подняв белый флаг, и добровольно сдадутся моим войскам, я гарантирую жизнь их экипажам».¹⁶⁴ Однако никакой практической помощи ингерманландцы и красногорские мятежники не получили. Из кораблей Балтийского флота на их сторону перешел лишь тральщик «Китобой». Восстание, не получив поддержки, было вскоре подавлено. Деморализованный гарнизон Красной Горки к утру 16 июня разбежался, и на форт вступили части сформированной для подавления мятежа Береговой группы красных. Через некоторое время сдалась и Серая Лошадь.

В связи с событиями вокруг Красной Горки ингерманландцы и русские белые стали предъявлять друг другу взаимные претензии. Родзянко утверждал, что ингерманландцы в течение двух дней намеренно скрывали от него известия о мятеже, он обвинил их в том, что после падения Красной Горки они разружили и обобрали бежавших с форта бойцов гарнизона.¹⁶⁵ Ингерманландцы, со своей стороны, заявили, что они хотели отбить форт обратно, но русские заняли тыловой штаб их полка и помешали перебросить подкрепления.¹⁶⁶ Полковник Бибиков доносил Родзянко, что ингерманландцы продолжают вести свою пропаганду, не выполняют его требований и не слушаются назначенных им волостных комендантов.¹⁶⁷ Объяснения между Родзянко и членом Временного комитета управления Ингерманландии лейтенантом П. Тапанайненом¹⁶⁸ закончились новым скандалом. После этого Родзянко отдал приказ о разоружении и расформировании ингерманландского полка.¹⁶⁹ Бойцы полка должны были поступить в подчинение Островского полка Северного корпуса. Финляндским уроженцам («всем офицерам и добровольцам иностранцам, не пожелавшим продолжать службу на изложенных основаниях») предоставлялся про-

---

¹⁶⁴ Цит. по: Gummerus H. Op. cit. S. 23.

¹⁶⁵ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 57.

¹⁶⁶ Петроградская правда. 1919. 5 июля.

¹⁶⁷ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 57.

¹⁶⁸ Родзянко в своих воспоминаниях называет его «Тапалайнен». Видимо, имеется ввиду лейтенант П. Тапанайнен, заведующий военными делами в составе Ингерманландского комитета.

¹⁶⁹ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 62.

ход в Эстонию, туда же должны были проследовать и члены Ингерманландского комитета.¹⁷⁰ Как явствует из воспоминаний И. Олликайнена, ингерманландский отряд, занимавший в дни мятежа Лебяжье, отступил на Керново, где провел два дня, не получая ни от кого никаких приказаний. На третий день ему встретилось русское белогвардейское формирование во главе с человеком в чине полковника, который объявил ингерманландцам, что он имеет полномочия присоединить их к своему полку, а находившиеся в отряде финны должны сдать оружие и могут следовать в Эстонию. Финские офицеры отряда выполнили его распоряжение, их примеру последовали уроженцы Северной Ингрии, включая самого Олликайнена, заявив, что они тоже финны. Русские белогвардейцы отпустили их и даже предоставили им лошадей для проезда до Ямбурга, откуда они затем по железной дороге добрались до эстонской границы.¹⁷¹

Издатели белогвардейской газеты «Белый крест», которая начала печататься с конца июня в Ямбурге, во втором номере газеты не скрывали своего удовлетворения по этому поводу: «Образованием Ингерманландии собирались окончательно решить задачу по закупорке русского народа в безвыходную клетку. Ликвидация ябургской Ингерманландии прошла не только без выстрела, но даже без вздохов. Так будет и в других местах, где... русские военачальники пребудут русскими не только по названию».¹⁷² Впрочем, не все контрреволюционные русские деятели с восторгом отнеслись к действиям Родзянко: к примеру, псковский социалист В.С. Горн, будущий член Северо-Западного правительства, отзывался о них резко критически. По мнению Горна, никакого сепаратизма в действиях ингерманландцев не было, их требования ограничивались лишь созданием элементарного местного самоуправления, действия генерала Родзянко он находил совершенно неадекватными создавшейся ситуации.¹⁷³ Недовольство действиями командования корпуса высказывал Юденичу и английский генерал Х. Гоф.¹⁷⁴ Судьба

---

¹⁷⁰ Начальник отряда особого назначения Северного корпуса — командиру Ингерманландского отряда 17 июня 1919 г. // КА. IА. Kansio XXI.

¹⁷¹ Nevalainen P. Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla. S. 67–68.

¹⁷² Цит. по: Петроградская правда. 1919. 10 июля.

¹⁷³ Горн В.С. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 50–51.

¹⁷⁴ Смолин А.В. Указ. соч. С. 168.

бойцов распушенного ингерманландского полка была различной. Около 350 человек присоединились к русским частям и были сведены в отдельный батальон в составе Островского полка 2-й дивизии. Часть местных уроженцев разошлась по домам или разбежалась по лесам. Финские офицеры и почти все выходцы из Северной Ингрии собрались в Нарва-Йыэсуу и через Эстонию перебрались обратно в Финляндию.¹⁷⁵ К. Тюнни, которого Родзянко якобы обещал повесить, с трудом избежал ареста, успев сесть в Пейпия на эстонский корабль.¹⁷⁶ Генерал Лайдонер попытался уладить конфликт и назначил комиссию для расследования разногласий во главе с полковником Унттом, в которую вошло по два представителя от эстонцев, ингерманландцев и русских, а также два английских наблюдателя. Успехом работа комиссии, однако, не увенчалась.¹⁷⁷

Конфликт вокруг ингерманландского полка вызвал если не раскол, то, во всяком случае, трещину и внутри самого ингерманландского движения. Некоторые его лидеры, в первую очередь К. Тюнни, убедились в бесперспективности антирусской политики и надежд на полное отделение Ингерманландии от России и в необходимости поиска компромисса с русской контрреволюцией. Тюнни понимал, что репрессии в отношении полка в значительной степени были спровоцированы поведением его финских командиров. Он и оставшиеся в Эстонии ингерманландские офицеры потребовали даже у лейтенанта Тапанайнена, чтобы он и другие члены «Временного комитета управления Ингерманландии» не вмешивались больше в дела Западной Ингрии.¹⁷⁸

Разгон ингерманландского полка был не единственной причиной разочарования финноязычного населения Западной Ингрии в новой власти. Помимо надежд на восстановление национального самоуправления, финские, ижорские и эстонские крестьяне, так же как и крестьяне русские, связывали с приходом белых расчеты на удовлетворительное решение вопроса о земле. Значительная часть крестьянства на первых порах благожелательно относилась к белым. Политика большевистского

---

¹⁷⁵ Петроградская правда. 1919. 5 июля; Родзянко А.П. Указ. соч. С. 62; Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla. S. 246.

¹⁷⁶ Tynni A. Op. cit. S. 263.

¹⁷⁷ Melkko P. Inkerin vapautustaistelujen aika. S. 338.

¹⁷⁸ Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. S. 61.

руководства в деревне восстановила против советской власти многих местных жителей. Еще в апреле 1919 г. Петроградский губернский комитет РКП (б) в письме в ЦК партии сообщал: «Необыкновенно контрреволюционный состав населения губернии, длительный застой и глубокий упадок фабрично-заводской и местной промышленности, а также сельского хозяйства, крайне тяжелое и порой угрожающее абсолютным голодом продовольственное положение — вот постоянные и трудно устранимые причины почти не прекращающихся вспышек серьезных и организованных белогвардейских и кулацких брожений и восстаний, иногда охватывающих целый ряд волостей во всех уездах губернии».¹⁷⁹ В постановлении Реввоенсовета 7-й красной армии, изданном за месяц до начала наступления белых, говорилось: «За последнее время среди контрреволюционно настроенных элементов населения местностей прифронтовой полосы наблюдаются случаи проявления враждебности к войскам Красной Армии и сочувственного отношения к противнику, выражающиеся в злонамеренной порче телефонной и телеграфной сети, распространении ложных слухов, вызывающих волнение и панику, предупреждение обо всех передвижениях наших войск и передаче противнику секретных сведений о последних. Кроме того, были случаи открытого содействия противнику во время его внезапных нападений на некоторые пункты расположения наших войск...».¹⁸⁰ Антисоветские выступления в деревне, затихшие осенью 1918 г., начались снова: в мае — июле 1919 г. в Петроградской губернии было отмечено 16 случаев волнений и восстаний.¹⁸¹ В ходе боев в мае — начале июня в оперативных сводках штабов частей 7-й армии отмечались неоднократные случаи, когда крестьяне прифронтовых волостей недружественно относились к красным, сигнализировали наступающим белым войскам и даже открыто присоединялись к ним.¹⁸² Командующий войсками Западного фронта Д.Н. Надежный позднее констатировал: «В этот период местное население высказывало большое тяготение в сторону белых, в результате чего их ряды стали пополняться. Одновременно с этим были

---

¹⁷⁹ Цит. по: Корнатовский Н.А. Сталин и оборона Петрограда // Красная летопись. 1932. № 3 (48). С. 9.

¹⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 46. Д. 10. Л. 68—69.

¹⁸¹ Корнатовский Н.А. Сталин и оборона Петрограда. С. 9.

¹⁸² РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 47. Л. 17; РГА ВМФ. Ф. р-52. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

зарегистрированы случаи нападения на отходившие части Красной Армии».¹⁸³ Командиры белых частей дорожили этой поддержкой и до поры до времени, как правило, старались не раздражать крестьян. Как сообщалось в одной из разведывательных сводок красных, белогвардейцы «у крестьян ничего не берут, стараясь завоевать их симпатии. Питаются исключительно тем, что захватят от Красной Армии».¹⁸⁴

Однако первые же мероприятия белого командования в области земельной политики вызвали, однако, разочарование крестьян. В приказе коменданта Ямбурга и уезда полковника А.В. Бибикова от 4 июня предписывалось прекратить самовольный выпас скота на землях, захваченных у законных владельцев, и в семидневный срок вернуть последним захваченное у них имущество. Засеянные земли до снятия с них урожая могли оставаться во временном пользовании лиц их обработавших, но с уплатой арендной платы, размеры которой должны были устанавливаться уездной земской управой.¹⁸⁵ 19 июня А.П. Родзянко подписал известный приказ № 13 «О временном праве пользования землей», согласно которому решение земельного вопроса подлежало урегулированию с прежними владельцами, которые должны были заменить собой органы советской власти и которым впредь должна была уплачиваться аренда за землю; предписывалось также вернуть им их усадьбы. Переделы земельных участков запрещались, а после уборки урожая 1919 г. все надельные земли, захваченные при советской власти, подлежали возвращению прежним хозяевам.¹⁸⁶ Наиболее ретивые из помещиков стали требовать немедленного выселения с их угодий засевших там батраков и малоземельных крестьян.¹⁸⁷ Развитие общинного самоуправления также стало проблематичным. Формально земство на занятых белыми территориях Петроградской губернии было восстановлено. В приказе командования Северного корпуса от 19 мая всем бывшим гласным органов земского и городского самоуправления предписывалось приступить к исполнению своих обязанностей.¹⁸⁸ Позд-

---

¹⁸³ Надежный Д.Н. Указ. соч. С. 50.

¹⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 230. Л. 195.

¹⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 9130. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

¹⁸⁶ Там же. Л. 32; ГАРФ. Ф. 6388. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–26.

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 6388. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

¹⁸⁸ Корнатовский Н.А. Первое наступление белогвардейцев на Петроград // Красная летопись. 1928. № 2. С. 102.

нее были изданы «Временные правила о восстановлении земского самоуправления в освобожденных местностях Северо-Западной области России», которые определяли порядок выборов в земские учреждения и сферу их компетенции.¹⁸⁹ Однако работа земских органов фактически сводилась на нет изданным почти одновременно с приказом № 13 «Положением об уездных и волостных комендантах в областях, освобожденных Северным корпусом», которое наделило военных комендантов почти неограниченной властью, узаконило их произвол и злоупотребления.

В июне и особенно в июле, когда Северо-Западная армия (так с начала июля назывался Северный корпус) начала испытывать трудности со снабжением, участились случаи произвола властей и отдельных командиров по отношению к местному населению. Тяжелым бременем на плечи крестьян ложилась подводная повинность. Один из офицеров свидетельствовал: «Самоуправство наших частей... непомерно велико: случаи краж, неплатежа за продукты, отобрания без всяких расписок хорошей лошади и оставление худой казенной, принуждение подводчиков ехать две или три... и более подводных станций вселяют обоснованное возмущение».¹⁹⁰ В разведывательной сводке красных от 29 июня относительно ситуации на гатчинском направлении сообщалось: «Среди населения оккупированных местностей растет сильное недовольство, главным образом вследствие того, что белые реквизируют беспощадно лошадей... в связи с этим были столкновения».¹⁹¹ Генерал Родзянко вынужден был признать, что «при движении вперед мы... поневоле... пользовались местными средствами, часто отбирая у населения последнее, что... не могло не восстановить его против нас».¹⁹² По утверждению П.А. Богданова, будущего министра земледелия Северо-Западного правительства, к концу июля деревня в своей массе определенно настроилась против белых, сделав вывод, что «белые не лучше красных».¹⁹³ Бюллетень ПУРа в июле 1919 г. отмечал, что в районе Гатчины «до прихода белых местное население и крестьяне были настроены против советской власти и с радостью ждали белых. Теперь же они настроены сочувст-

---

¹⁸⁹ Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг. С. 307.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

¹⁹¹ Там же. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 206. Л. 2.

¹⁹² Родзянко А.П. Указ. соч. С. 80.

¹⁹³ ГАРФ. Ф. 6388. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

венно к нам».¹⁹⁴ Внешние и внутренние противоречия привели к тому, что белогвардейцы утратили инициативу на фронте. Под напором контрнаступления красных, начавшегося в конце июня, Северо-Западная армия оставила Ямбург и Псков и к концу августа отошла на рубеж р. Луги, удержав в своих руках на российской территории лишь небольшой плацдарм в районе Гдова.

3. Военно-политические события в Северной и Западной Ингерманландии летом-осенью 1919 г.

В середине 1919 г. центр ингерманландского движения под влиянием кризиса в Западной Ингрии вновь переместился в Финляндию. Как отмечалось выше, официальное руководство этой страны не было склонно к активному вмешательству в русские дела и сдержанно относилось к сепаратистским движениям в России. Однако идеи Великой Финляндии были живучи в определенных кругах финской общественности. Оформившееся в начале 1919 г. движение «Фенниа ирридента» выступало за объединение с Финляндией Эстонии, Ингерманландии и Восточной Карелии.¹⁹⁵ Экспансионистские настроения были особенно характерны для группировки активистов. Лидеры активистов не разделяли симпатий К.Г. Маннергейма к русскому белому движению, считая врагами Финляндии всех русских и не делая особых различий между красными и белыми. Они настойчиво призывали к освобождению Восточной Карелии и Ингерманландии. В активистских кругах было распространено мнение, что советская власть долго не продержится и что в России грядет восстановление монархии, которая будет представлять собой новую угрозу для независимости Финляндии. Под предлогом оказания помощи соплеменникам развивались далеко идущие планы аннексии российских территорий. Активисты были среди основных организаторов и вдохновителей похода в Олонецкую Карелию в апреле-мае 1919 г. Ингерманландский вопрос активисты также стремились использовать в своих интересах. Среди активистских лидеров особую энер-

---

¹⁹⁴ Измозик В.С. В «зеркале» политконтроля. Политический контроль и российская повседневность в 1918–1928 гг. // Нестор. 2001. № 1. С. 126.

¹⁹⁵ *Vapaus*. 1919. 7. maaliskuuta.